

КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 130.2

DOI: 10.17223/22220836/44/1

А.В. Венкова

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ФЕНОМЕНА ИММЕРСИВНОСТИ В ОБЪЕКТНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ОНТОЛОГИИ И ПОСТГУМАНИЗМЕ

Статья посвящена критическому рассмотрению теоретических подходов объектно-ориентированной онтологии, постгуманизма и витализма к феномену иммерсивности. Иммерсивность понимается как склонность практик культуры к использованию иммерсии (мультисенсорного погружения рецептивного агента в воспринимаемую среду) для выстраивания когнитивных, коммуникативных и эстетических процессов. В статье показано сходство теоретических установок в отношении понятия иммерсии имматериализма Г. Хармана, теории гиперобъектов Т. Мортон, агентного реализма К. Барад, постгуманизма Д. Харауэй и нового витализма Д. Беннет. Показано, что в отношении гносеологических установок, телесных практик и художественных процессов можно говорить о формировании в современной культуре специфического «иммерсивного стиля», основанного на мультисенсорном средовом подходе к восприятию.

Ключевые слова: иммерсия, гиперобъекты, имматериализм, объектно-ориентированная онтология, постгуманизм.

Объектно-ориентированная онтология, философия и эстетика постгуманизма выдвигают ряд тезисов, полезных для теоретического изучения феномена иммерсии, понимаемого как мультисенсорное погружение рецептивного агента в воспринимаемую среду. Начиная с осмысления нового статуса объекта в современной метафизике (Г. Харман), объектно-ориентированная онтология идет дальше и предлагает имеющую непосредственное отношение к феномену иммерсивности концепцию гиперобъектов (Т. Мортон). Обе эти установки будут рассмотрены ниже. Кроме этого, практики иммерсии находят теоретическую поддержку в постгуманизме (Д. Харауэй, К. Барад) и новом материализме (витализме) Д. Беннет. Исключая рассмотрение всего комплекса идей, связанных с этими теориями, остановимся только на тех аспектах, которые имеют отношение к рассматриваемому явлению. Для наиболее ясного понимания того, что Т. Мортон называет «гиперобъектом», следует коротко остановиться на тезисах об имматериализме Г. Хармана, предложенных им в одноименном сочинении [1]. В этой работе Харман предлагает несколько идей о жизни объекта в современной философии, эстетике и культуре. Предложенная Харманом онтология, которую он называет «нереляционной», рассматривает объекты как отношения, доступ к которым может быть получен только косвенным путем, посредством замен и подстановок.

Критикуя две другие главенствующие тенденции в современной философии – акторно-сетевую теорию и новый материализм, каждая из которых, по его мнению, не может удержать объект, в первом случае подменяя его действиями и эффектами, производимыми объектом, а во втором – его составными частями (эти две линии разрушения объекта Харман называет стратегиями «надрыва» и «подрыва»), он предлагает подходы к сохранению объекта как метафизической единицы в стратегии имматериализма. Он утверждает, что объекты «превосходят свои составные части и даже могут, добровольно или нет, воздерживаться от каких-либо действий» [1. С. 134]. Основной акцент при рассмотрении объекта он делает на связях, которые производит этот объект. Связи не должны быть ни чрезмерно слабыми, ни слишком сильными, они должны быть лишь достаточными для создания симбиозов объектов. Объект живет за счет экспансии своих симбиозов. Связи внутри этих симбиозов должны быть достаточно пластичными и регулярно обновляться. В противном случае объекту грозит гибель из-за «буквализации его симбиозов», в результате чего он превращается в карикатуру на самого себя, окостеневает и гибнет.

Тезис Г. Хармана о превосходстве частей объекта над самим объектом и его связей над ним самим как действующей единицей в направлении, важном для исследования феномена иммерсивности, развивает Т. Мортон, предлагая в одноименной книге теорию «гиперобъекта» [2] как объекта нового типа, отвечающего состоянию современной культуры. «Я ввел понятие «гиперобъекты», – пишет Т. Мортон, – для того, чтобы рассматривать вещи, широко – относительно людей – распределенные во времени и пространстве» [2. С. 11]. В качестве примеров объективированных нелокализуемых гиперобъектов Мортон называет биосферу, климат, эволюцию, капитализм и экономические отношения в целом [Там же. С. 130].

«Гиперобъекты имеют ряд общих характеристик. Они *вязкие* (viscous), что означает, что они „прилипают“ к существам, которые с ними связаны. Они *нелокальны*. Другими словами, никакие „локальные манифестации“ гиперобъекта непосредственно не являются самим гиперобъектом. Они *задействуют темпоральности*, глубоко отличные от человекообразных темпоральностей, к которым мы привыкли. ...Гиперобъекты занимают *многомерное фазовое пространство*, что делает их невидимыми для людей на протяжении длительного времени. И они проявляют свои эффекты *интеробъективно*, т.е. их можно обнаружить в пространстве, которое состоит из взаимодействий между эстетическими свойствами объектов» [Там же. С. 12].

Кратко рассмотрим каждую из вышеназванных характеристик гиперобъекта. *Вязкость* гиперобъектов отвечает за способ, каким они проявляют себя, это сплавливание материальных свойств объектов, проявление скрытой склонности вещей растворяться друг в друге. *Нелокальность* описывает пространственную неопределенность гиперобъектов, невозможность получить к ним доступ напрямую. Они всегда частично изъяты из опыта. Уловить их присутствие можно лишь по следам-манифестациям. *Темпоральная ундуляция* описывает существование гиперобъектов во времени, «в каждый отдельный момент времени гиперобъект можно увидеть лишь частично» [Там же. С. 14]. *Фазирование* определяет поэтапность и частичность проявления гиперобъектов для наблюдателя. Их невозможно увидеть или ощутить как целое. В каж-

дый момент времени нам доступны только их части, фрагменты. Гиперобъекты обладают свойством межпространственности. Наблюдателю доступны только отдельные участки гиперобъекта в те моменты, когда они пересекаются с человеческим существованием. «Гиперобъект существует для нас как карта в многомерном фазовом пространстве, поскольку мы не способны охватить его как целое посредством наших чувств» [2. С. 97]. *Интеробъективность* конфигураций гиперобъектов показывает, каким образом мы можем обнаруживать и проживать их присутствие в мире. «Ни одна вещь не переживается в опыте непосредственно, – пишет Т. Мортон, – но только будучи опосредованной другими сущностями в некоем разделяемом ими чувственном пространстве» [Там же. С. 113]. Мы узнаем гиперобъекты по следам, которые они оставляют. Движение гиперобъектов мы замечаем, как изменение множества взаимодействующих индексальных знаков. Следы гиперобъектов и являются такими знаками.

Базовые характеристики гиперобъекта раскрывают его как иммерсивную среду. Говоря о средовом характере гиперобъекта, Мортон пользуется термином «зона». «Зона – это место, в котором происходят события» [Там же. С. 179]. Описание отношений объекта и зоны напоминают теоретические положения Г. Беме в отношении вещи и ее «экстазов». Объекты «испускают зону» или «напоминают временную автономную зону», кроме того, «термин „зона“ исключает значения плоскости и структуры» [Там же. С. 181]. «Я не обнаруживаю себя в (едином, сплошном) мире, – пишет Мортон, – но, скорее, – в ряду смешанных зон, испускаемых определенными объектами» [Там же. С. 178].

Иммерсивность гиперобъекта выражается в следующих его характеристиках:

1. Гиперобъекты, по мнению Мортон, обладают свойством перформативности, представляя собой «одну из форм исполнения».

2. Гиперобъекты аффективны, причем аффект, ими исторгаемый, обладает свойством странности (weirdness). Понятие «странности» (weirdness) является очень важным для объектно-ориентированной теории, в частности, Г. Харман пишет целую книгу о weird-реализме, основывая ее на анализе литературы Г. Лавкрафта [3]. Это понятие также используется теоретиками метамодернизма для описания одного из модусов метамодернистской чувствительности. Странность определяет некоторую отчужденность, характерную для ощущения человеком себя в мире в современную эпоху, которую Мортон называет временем гиперобъектов. Благодаря своей странности и заряженности аффектом «гиперобъектное искусство „вызывает неврологический шок“» [2. С. 239].

3. Пространство гиперобъектов конфигурируется как интеробъективное, зоны объектов соприкасаются друг с другом, образуя единую мерцающую среду.

4. Гиперобъекты обладают свойством «расширенного материализма», их индексальная сущность воспринимается человеком как отпечатки чувственности как на объектах, так и на субъектах. Чувственные качества объектов доступны людям во взаимодействиях.

5. Эстетический опыт гиперобъекта можно схватить только в форме призрачной спектральности, которая то синхронизируется, то рассинхронизиру-

ется по фазе с упорядоченным (normalized) человеческим пространством-временем [2. С. 212].

6. Ключевым термином для описания восприятия гиперобъектов является «сонастройка»: «Сонастроенность (attunement) является именно тем способом, каким разум становится конгруэнтным объекту» [Там же. С. 214]. Настройка на объект как способ восприятия касается и настройки на нечеловеческое, что чрезвычайно важно в контексте объектно-ориентированной онтологии. Искусство проявляет себя как «коллаборация людей и нелюдей», «сговор с анонимными материалами» [Там же. С. 218], даже настройку на «демоническое», понятие в античном смысле как одухотворенная, живая материя. «Вместо того, чтобы „быть гением“, вы „обладаете гением“, поскольку искусство представляет собой настройку на демоническую силу, приходящую от нечеловеческого и понижающую нас» [Там же]. Понятие таким образом демоническое захватывает интеробъективное пространство: «Искусство обязано настраиваться на демоническое, интеробъективное пространство, в котором, подобно гениям (духам), нимфам, феям и джиннам, парят (float) эстетико-причинные события» [Там же. С. 219].

Этот тезис соответствует новому повороту к анимизму в современной антропологии и теории культуры, отраженному, например, в работах Тима Ингольда [4–8]. Тезисы Ингольда, описывающие мир без объектов, в своем акценте на важности среды близки отдельным характеристикам гиперобъектов у Мортон: «В среде без объектов жизнь не сдерживать – она неотъемлема от самих циркулирующих материалов, непрерывно порождающих формы вещей, пусть и предвещая их распад. ...Среда без объектов – это не материальный мир, а мир материалов, т.е. материи в движении. ...В мире среды без объектов вещи реализуются именно в этих течениях и встречных потоках, выходящих сквозь и посреди без начала и конца, а не в виде соединенных сущностей, ограниченных изнутри или снаружи» [9. С. 39, 42, 47]. Таким образом «сонастройка» в терминах Мортон осуществляется в концепции Ингольда через нематериальные средовые потоки, не имеющие границ.

7. Гиперобъекты заставляют нас выработать новый рецептивный стиль. «По-видимому, здесь работает нечто вроде возвращения к сенсуализму и сентиментальности, которые дополняются прослойками иронии и странности» [2. С. 220]. Этот стиль характеризуется мультисенсорным опытом, пронизанным иммерсивностью.

Мортон неоднократно использует понятие «иммерсивность». Так, в работе «Стать экологичным» он говорит о своеобразном «иммерсивном стиле», соответствующем современной эпохе. Иммерсивный стиль находит свое выражение в создании иммерсивных сред, формируемых гиперобъектами. Подобные среды полны энергий и следов, оставляемых гиперобъектами. «Среда – это не нейтральная пустая коробка, а океан, полный течений и пульсаций» [10. С. 181]. В описании сред и иммерсивного стиля в этой работе Мортон близок понятию *Umwelt*, широко используемому в энвайризмизме. Об этом говорит, например, данное им описание среды как человеческого *Umwelt*, заменившего понятие *Welt* – мира как онтологической данности. В отличие от понятия «мир», понятие «среда» или *Umwelt* содержит идею преобразованного человеком мира, равного его жизненной среде: «(фенотип паука) не заканчивается на кончиках его лап: фенотип простирается (самое меньшее) до по-

следней нити в паутине паука. Пауки плетут паутину, поскольку гены паука обеспечивают ее плетение. Поэтому гены паука определяют не только форму его тела. Точно так же фенотип бобра достигает края его плотины. Человеческий фенотип в настоящее время, похоже, охватывает значительную часть поверхности Земли и проникает вглубь ее коры – до определенного уровня, и именно поэтому мы называем современный геологический период антропоценом. Так что, если теперь подумать о среде, произойдет нечто интересное. Если вы будете искать среду, которая была бы выше форм жизни и выходила бы за их пределы, вы ее не найдете» [10. С. 208]. Отсюда – расширенное понимание экологии как тотальной иммерсии. «Быть экологичным» означает, по Мортону, просто существовать. У нас нет выбора, мы не можем не быть экологичными в эпоху гиперобъектов. «Ведь экологичность включает ощущение моей мистической включенности в то, что я испытываю в опыте; это не может быть прямой, ничем не опосредованный опыт» [Там же. С. 216].

Теория гиперобъектов Мортонa, лежащая, как он сам признает, в русле объектно-ориентированной онтологии, имеет явные пересечения с философией нового материализма и витализма. Наиболее яркий представитель нового материализма Джейн Беннет отстаивает виталистический материализм, в котором люди не противопоставляются природе, а «одновременно находятся «в природе» и «состоят из нее» [11. С. 147]. Беннет выступает против энвайронментализма в духе XX столетия, когда экологическое мышление было озабочено идеей спасения природы в отрыве от человеческого существования. Новый материализм утверждает паритетность человеческих и нечеловеческих сил или агентов в энвайронментализме и материализме нового типа, где и те и другие охвачены единой витальностью, а экология просто является способом их бытия. «Я ищу такой материализм, – пишет Беннет, – в котором материя выступала бы как действующая вовне и внутри нашего Я витальность» [Там же. С. 91]. Для теории иммерсивности это означает отстаивание аффективного, т.е. виталистского способа взаимодействия с миром и акцент на трансверсальном подходе к восприятию. «И тогда аффективные, говорящие людские тела покажутся не столь *радикально* отличными от аффективных, о чем-то сигнализирующих не-людей, с которыми они соседствуют, наслаждаются, трудятся, потребляют, производят и соревнуются ... Источником этих эффектов зачастую является онтологически множественный ассамбляж энергий и тел, сложных и простых тел, физических и психологических» [Там же. С. 150]. Здесь опять замечен акцент на телесном, мультисенсорном опыте восприятия мира. Беннет говорит об этом как о «застывании» в телах «витальной материальности» [Там же. С. 151].

Трансверсальность восприятия, равноправие человеческих и нечеловеческих действующих начал в мире в широкой постантропологической перспективе находят поддержку в другой концепции, поддерживающий материалистический взгляд на мир, – «агентном реализме» Карен Барад.

Ключевыми понятиями, которыми оперирует Барад, являются «агентность», «интраакция», «аппарат» и «перформативность». Рассмотрим их значение. Прежде всего, Барад настаивает на том, что в случае с агентным реализмом следует говорить не об объектах, как в объектно-ориентированной онтологии, а скорее о феноменах: «Базовая онтологическая единица – это не независимый объект с присущими ему границами и свойствами, но скорее

феномен. В моем агентном реализме феномены не просто маркируют эпистемологическую неразделимость наблюдателя и наблюдаемого или результатов измерения; скорее феномены *суть онтологическая неразделимость / запутанность интраактивных „агентности“*. Это означает, что феномены являются онтологически первичными отношениями – отношениями без предсуществующих членов отношения» [12. С. 51]. Агент как действующее начало заменяет в постгуманистической перспективе и категорию объекта, и категорию субъекта. Скорее, как в делезианской онтологии, они являются производными от совместного взаимодействия в определенных условиях. Это взаимодействие Барад называет *интраакциями*. Интраакции – это потоки совместного становления действующих агентов. «Понятие *интраакции* (в противоположность привычной „интеракции“ или взаимодействию, предполагающему изначальное существование независимых сущностей или членов отношения) обозначает глубинный концептуальный сдвиг. Именно посредством специфических агентных интраакций границы и свойства компонентов феноменов получают определенность, а конкретные понятия (то есть конкретные материальные артикуляции мира) становятся значимыми. Интраакции включают в себя более обширную материальную установку (то есть набор материальных практик), которая осуществляет агентный разрыв между „субъектом“ и „объектом“ (в противоположность более привычному картезианскому разрыву, который считает это различие само собой разумеющимся). То есть агентный разрыв разрешает изнутри феномена неотъемлемую онтологическую (и семантическую) неопределенность. Иными словами, члены отношений не предшествуют отношениям; скорее, члены-отношений-внутри-феноменов возникают через особые интраакции» [Там же]. В интраакциях феномены приобретают материальность и семантическую значимость. Агентный реализм, как и постгуманизм, материализм и витализм, отстаивают нерепрезентативный подход к реальности, следовательно, и вербальный опыт в его семантическом регистре претерпевает в их трактовке существенные изменения: «базовые онтологические единицы – это не „вещи“, а феномены, динамические топологические реконфигурации / запутанности / реляционности / (ре)артикуляции мира. А базовые семантические единицы – это не „слова“, а материально-дискурсивные практики, через которые конституируются (онтические и семантические) границы. Этот динамизм и есть агентность. Агентность – не атрибут, но непрерывная реконфигурация мира. Вселенная является агентной интраактивностью в ее становлении» [Там же. С. 53].

Понятие «аппарат» близко понятию «диспозитив» в философии М. Фуко. «Согласно агентному реализму, – отмечает Барад, – аппараты являются особыми материальными конфигурациями, а точнее динамическими (ре)конфигурациями мира, посредством которых тела интраактивно материализуются» [Там же. С. 89]. Здесь вновь отмечается материальный характер интраакций, что непосредственно соотносится с телесно-тактильной установкой в понимании восприятия и акцентом на мультисенсорном и кинестетическом компоненте опыта взаимодействия с миром. Барад тщательно прорабатывает вопрос о телесных границах, которые, как и любые границы в агентном реализме, образуются как результат агентного разрыва. Тело, как и

любая материальность, является эффектом перформативного проведения границ в интраакциях.

Перформативность – неотъемлемое качество агентных интраакций, она обеспечивает специфическую эмерджентность, которая, в свою очередь, лежит в основе материализма Барад: «Важную часть предложенного мной перформативного подхода составляет переосмысление представлений о дискурсивных практиках и материальных феноменах и отношений между ними. (...) При агентно-реалистском подходе перформативность понимается не как повторяющаяся цитатность (Батлер), но как повторяющаяся интраактивность. Интраакции агентивны, и изменения в аппаратах телесного производства имеют значение как по онтологическим, так и эпистемологическим и этическим причинам: различные материально-дискурсивные практики производят различные материальные конфигурации мира, различные дифференциальные / дифракционные картины; они не только производят различные описания» [12. С. 107].

Телесная иммерсивность концепции К. Барад перекликается с идеей симпозиса, разрабатываемой другим представителем постгуманизма – Донной Харауэй. Сходное с понятием *Umwelt* в энактивизме, среды или зоны в объектно-ориентированной теории гиперобъектов Мортонa, понятие хтулущена [13], предложенное Д. Харауэй, в очередной раз показывает неразличимость живых и неживых агентов в постгуманизме. Хтулущен как мир агентного равноправия рождается в симпозисе. Термин переворачивает понятие аутопозиса, принятое в кибернетике, теории сложных систем и энактивизме, обозначая производство «коллективно производимых систем, не имеющих самоопределяемых пространственных или темпоральных границ. Информация и контроль в них распределены между компонентами. Эти системы эволюционируют и способны на непредсказуемые изменения. Аутопозисные системы, напротив, – это „самовоспроизводящиеся“ автономные единицы с самоопределяемыми пространственными или темпоральными границами, как правило, централизованно управляемые, гомеостатичные и предсказуемые» [14. С. 184]. Симпозис, таким образом, соответствует «иммерсивному стилю», о котором говорит Т. Мортон. Отсутствие заранее определенных границ, телесная и материальная разомкнутость определяют вписанность воспринимающего сознания и действующего агента в мир.

Решающее значение здесь имеет понятие среды как живого условия становления той или иной симпозитической единицы. «В качестве реакции на инструментализацию жизни все более важной становится логика материала как „активной“ среды» [15. С. 98]. Таким образом, мы снова возвращаемся к идеям Т. Мортонa, определяющим для понимания «иммерсивного стиля» новой объектно-ориентированной экологии. По Мортону, гиперобъекты тоже являются агентами, а все, что связано с индексальной телесностью восприятия человеком реальности, является следами, оставляемыми гиперобъектами: «Мои глубоко интимные впечатления больше не „персональны“ в том смысле, что они являются „только моими“ или „сугубо субъективными“: теперь это следы гиперобъектов – искаженных, поскольку они всегда должны искажаться сущностью, на которой оставляют свой след, т.е. мной» [2. С. 16]. Человек, воспринимающий агент, является частью того, что Мортон называет «экомимезисом»: «Я не могу, – пишет он, – выйти за пределы того, что я называю экомимезисом – за пределы рендеринга расположенности „в“ (чаще

всего) от первого лица» [2. С. 16]. Когнитивно-телесный агент расположен в мире, где он без остановки сонастраивается с неартикулируемыми множествами, называемыми гиперобъектами. Его задача состоит в том, чтобы «стать экологичным», т.е. осознать себя вписанным и погруженным в мир, частью которого он является.

Резюмируя, следует заключить, что объектно-ориентированная онтология, постгуманизм и новый материализм виталистского типа привносят новые позиции в осмысление феномена иммерсивности. Общим для них является акцент на средовом мультисенсорном опыте, его перформативном и аффективном характере, идея о неартикулируемости среды, отказ от парадигмы человеческой исключительности и новый специфический «иммерсивный стиль» взаимодействия с окружающим миром, понятым как активная среда, требующая тонкой «сонастройки» и аутопоэтической вписанности в мир всех действующих в нем агентов.

Литература

1. Харман Г. Имматериализм. Объекты и социальная теория. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2018. 152 с.
2. Мортон Т. Гиперобъекты: философия и экология после конца света. Пермь : Гиле пресс, 2018. 284 с.
3. Харман Г. Weird-реализм. Лавкрафт и философия. Пермь : Гиле Пресс, 2020. 258 с.
4. Ingold T. The perception of the environment: essays on livelihood, dwelling and skill. London : Routledge, 2011. 460 p.
5. Ingold T. Being Alive. London : Routledge, 2011. 288 p.
6. Ingold T. The Life of Lines. London : Routledge, 2015. 184 p.
7. Ingold T. Lines. London : Routledge, 2016. 208 p.
8. Ingold T. Correspondences. Polity, 2020. 180 p.
9. Ингольд Т. Погружая вещи в жизнь: творческие переплетения в мире материалов // Неприкосновенный запас. 2021. № 2 (136). С. 31–49.
10. Мортон Т. Стать экологичным. М. : Ад Маргинем Пресс, Музей соврем. искусства «Гараж», 2019. 240 с.
11. Беннет Д. Пульсирующая материя: Политическая экология вещей. Пермь : Гиле пресс, 2018. 220 с.
12. Барад К. Агентный реализм // Опыты нечеловеческого гостеприимства : антология / ред. М. Крамар, К. Саркисов. М. : V-A-C press, 2018. С. 42–121.
13. Харауэй Д. Оставаясь со смутой: Заводить сородичей в Хтулуцене. Пермь : Гиле пресс, 2020. 340 с.
14. Харауэй Д. Тентакулярное мышление // Опыты нечеловеческого гостеприимства : антология / ред. М. Крамар, К. Саркисов. М. : V-A-C press, 2018. С. 180–227.
15. Цурр Й., Кэммс О. Секулярный витализм, или Жидкие автоматы // По ту сторону медиума: искусство, наука и воображаемое технокультуры. Калининград : БФ ГЦСИ, 2016. С. 98–105.

Alina V. Venkova, St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University (Saint Petersburg, Russian Federation); Russian Scientific Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after D. Likhachev (Moscow, Russian Federation).

E-mail: venkova@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2021, 44, pp. 5–13.

DOI: 10.17223/2220836/44/1

THEORETICAL STUDY OF IMMERSION IN OBJECT-ORIENTED ONTOLOGY AND POSTHUMANISM

Keywords: immersion; hyperobjects; immaterialism; object-oriented ontology; posthumanism

The article is devoted to a critical examination of the theoretical approaches of object-oriented ontology, posthumanism and vitalism to the phenomenon of immersion. Contemporary culture is shown to use immersion (multisensory experience of a receptive agent in a perceived environment) to build cognitive, communicative and aesthetic processes.

The purpose of the article is a comparative critical examination of the attitudes of a number of theoretical approaches of the XXI, based on the criticism of anthropocentrism, in relation to immersivity as the dominant cognitive style. The task of such a consideration is to search for similarities and differences in relation to the properties and principles of immersivity as a kind of body-oriented approach to a person's contact with the world. In addition, a search was carried out for the basic characteristics of immersion as one of the central practices of contemporary culture.

Particular attention is paid to the new ecological environmental paradigm, which denotes a turn from an anthropocentric model of culture to a posthumanistic perspective, which includes a new character of human integration into the world based on an environmental approach that takes into account the parity of various acting forces in a new post-anthropological perspective. In addition to object-oriented and post-anthropological concepts, the article touches upon the problems of new animism and materialism, emphasizes the importance of the activity of the environment, which determines the parameters of attunement of a person, understood as a cognitive agent, and the surrounding world.

As a result, the article shows the similarity of theoretical attitudes regarding the concept of immersion of immaterialism by G. Harman, the theory of hyperobjects by T. Morton, agent-based realism by K. Barad, posthumanism by D. Haraway and the new vitalism by J. Bennett. The article demonstrates that object-oriented ontology, posthumanism and new materialism of the vitalist type bring new positions in the understanding of the phenomenon of immersion. What they have in common is an emphasis on environmental multisensory experience, its performative and affective nature, the idea of non-articulation of the environment, and a rejection of the paradigm of human exclusivity.

The main conclusion of the article: in relation to epistemological attitudes, bodily practices and artistic processes, we can talk about the formation in contemporary culture of a specific “immersive style” based on a multisensory environmental approach to perception.

References

1. Harman, G. (2018) *Immaterializm. Ob'ekty i sotsial'naya teoriya* [Immaterialism. Objects and social theory]. Translated from English. Moscow: The Gaydar Institute.
2. Morton, T. (2018) *Giperob'ekty: filosofiya i ekologiya posle kontsa sveta* [Hyperobjects: Philosophy and Ecology after the End of the World]. Translated from English. Perm: Hyle press.
3. Harman, G. (2020) *Weird-realizm. Lavkraft i filosofiya* [Weird-Realism. Lovecraft and Philosophy]. Translated from English by G. Kolomiets, P. Khanova. Perm: Hyle Press.
4. Ingold, T. (2011a) *The Perception of the Environment: Essays on Livelihood, Dwelling and Skill*. London: Routledge.
5. Ingold, T. (2011b) *Being Alive*. London: Routledge.
6. Ingold, T. (2015) *The Life of Lines*. London: Routledge.
7. Ingold, T. (2016) *Lines*. London: Routledge.
8. Ingold, T. (2020) *Correspondences*. Cambridge, UK; Medford, MA: Polity.
9. Ingold, T. (2021) *Pogruzhayaya veshchi v zhizn': tvorcheskije perepleteniya v mire materialov* [Plunging things into life: creative interweaving in the world of materials]. *Neprikosnovennyj zapas*. 2(136). pp. 31–49.
10. Morton, T. (2019) *Stat' ekologichnym* [Being ecological]. Translated from English by D. Kralechkin. Moscow: Ad Marginem Press, Muзей sovrem. iskusstva “Garazh”.
11. Bennett, J. (2018) *Pul'siruyushchaya materiya: Politicheskaya ekologiya veshchey* [Vibrant Matter: A Political Ecology of Things]. Translated from English by A. Sarkisians. Perm: Hyle press.
12. Barad, K. (2018) *Agentnyy realizm* [Agent realism]. In: Kramar, M. & Sarkisov, K. (eds) *Opyty nechelovecheskogo gostepriimstva* [Experiences of inhuman hospitality]. Moscow: V-A-C press. pp. 42–121.
13. Haraway, D. (2020) *Ostavayas' so smutoy: Zavodit' sorodichey v Khtulutsene* [Staying with the Trouble: Making Kin in the Chthulucene]. Translated from English. Perm: Hyle press.
14. Haraway, D. (2018) *Tentakulyarnoe myshlenie* [Tentacular thinking]. In: Kramar, M. & Sarkisov, K. (eds) *Opyty nechelovecheskogo gostepriimstva* [Experiences of inhuman hospitality]. Moscow: V-A-C press. pp. 180–227.
15. Tsur, Y. & Catts, O. (2016) *Sekulyarnyy vitalizm, ili zhidkie avtomaty* [Secular Vitalism, or Liquid Automata]. In: Bulatov, D. (ed.) *Po tu storonu mediuma: iskusstvo, nauka i voobrazhaemoe tekhnokul'tury* [Beyond the Medium: Art, Science and the Imaginary Technoculture]. Kaliningrad: BF GTsSI. pp. 98–105.